

Радиков Иван Владимирович

ВОЙНА В XXI ВЕКЕ И НОВАЯ СЕМАНТИКА ВОЕННОЙ ДОКТРИНЫ РОССИИ

Автор исходит из того, что принципиальное влияние на военное строительство оказывает понимание сущности войны, и акцентирует внимание на необходимости постижения того, что изменяется, а что остается неизменным в войнах XXI века. Основываясь на современных представлениях зарубежных и отечественных исследователей о войне и вооруженных конфликтах, автор делает вывод о трансформирующейся сущности войны. Утверждается, что Россия также вынуждена учитывать существующие в мировой политике напряженность в различных областях межгосударственного и межрегионального взаимодействия, соперничество ценностных ориентиров и моделей развития, тенденции к силовому разрешению существующих противоречий. С учетом этого, а также изменяющихся внешних и внутренних характеристик войны, Российское государство корректирует свою военную политику.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2015/5-1/41.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 5 (55): в 2-х ч. Ч. I. С. 150-153. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2015/5-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 355:01

Политология

Автор исходит из того, что принципиальное влияние на военное строительство оказывает понимание сущности войны, и акцентирует внимание на необходимости постижения того, что изменяется, а что остается неизменным в войнах XXI века. Основываясь на современных представлениях зарубежных и отечественных исследователей о войне и вооруженных конфликтах, автор делает вывод о трансформирующейся сущности войны. Утверждается, что Россия также вынуждена учитывать существующие в мировой политике напряженность в различных областях межгосударственного и межрегионального взаимодействия, соперничество ценностных ориентиров и моделей развития, тенденции к силовому разрешению существующих противоречий. С учетом этого, а также изменяющихся внешних и внутренних характеристик войны, Российское государство корректирует свою военную политику.

Ключевые слова и фразы: насилие; война; сущность войны; военная доктрина; военная политика; опасности и угрозы.

Радиков Иван Владимирович, д. полит. н., профессор
Санкт-Петербургский государственный университет
ivirrad@gmail.com

ВОЙНА В XXI ВЕКЕ И НОВАЯ СЕМАНТИКА ВОЕННОЙ ДОКТРИНЫ РОССИИ®

Демилитаризация сознания в развитых странах, признание войны «ограниченно полезной» и, вместе с тем, одновременно неконтролируемой, безысходной, неуправляемой, сопровождается стремительным погружением мирового сообщества в хаос больших и малых войн, этнополитических и религиозных конфликтов с применением военной силы. В 2015 году в мире зафиксировано не менее 45 войн и военных конфликтов [7]. Уже в начале 2014 года 52% российских граждан считали, что существует военная угроза для России со стороны других государств [4]. У россиян заметно усилились опасения по поводу начала ядерной войны: с 8% в январе 2013 г. до 17% в январе 2015 года [13]. Главной враждебной страной россияне считают США, и если семь лет назад так полагала четверть респондентов (25% в 2008 г.), то в конце прошлого года – уже три четверти (73%) [10]. В связи с этим официальные взгляды на подготовку и вооруженную защиту, на основные положения военной политики и военно-экономического обеспечения обороны Российской Федерации привлекают внимание не только иностранных политиков и исследователей, но и российских граждан. Возрастает необходимость в более пристальном рассмотрении современной военной политики как российского государства, так и недружественных по отношению к нему стран, а также факторов, определяющих ее содержание, тенденций развития.

Россия вынуждена корректировать свою военную политику с учетом существующих в мировой политике напряженности в различных областях межгосударственного и межрегионального взаимодействия, соперничества ценностных ориентиров и моделей развития, неустойчивости процессов экономического и политического развития на глобальном и региональных уровнях, тенденции к силовому разрешению возникающих противоречий. Декларацией о политике государства в области военной безопасности является военная доктрина – система официально принятых в государстве взглядов на подготовку к вооруженной защите и вооруженную защиту Российской Федерации [3].

Принципиальное влияние на военное строительство оказывает трансформирующаяся сущность современной войны. Важно, однако, понимать, что *изменяется*, а что *остается неизменным* в войнах XXI века.

Внутренняя многосложность войны осознавалась еще в самой глубокой древности. Так, автор знаменитого трактата о военной стратегии «Искусство войны» Сунь Цзы свое понимание изменчивости сущности войны отразил в следующей мысли: «Как вода не имеет постоянной формы, так война не имеет постоянных условий» [11, с. 22]. Если в понимании Клаузевица война начинается, когда дипломатия подводит, то Сунь Цзы уделяет внимание стратегиям, предшествующим самой битве: от военных приготовлений до дипломатических акций [2].

Большинство имеющихся определений войны традиционно рассматривает ее как средство (для достижения политических целей), как процесс (вооруженное противоборство, столкновение, борьба), как состояние общества (характеризуемое доминантой вооруженного насилия). В российской науке сформировалось несколько подходов к сущности войны. Для классического подхода (М. А. Гареев, О. А. Бельков, В. В. Серебрянников, С. А. Тюшкевич, М. Н. Шахов) определяющим признаком войны остается военное насилие, основанное на применении оружия с целью подавления противника, подчинения его своей воле. Сторонники этого подхода признают изменение характера и форм войны, при неизменности ее природы. Их оппоненты, апеллируя к различным трактовкам «стратегии не прямых действий» Б. Лиделл Гардта настаивают, что применение вооруженного насилия не всегда является определяющим признаком военного столкновения между государствами (В. И. Слипченко, В. К. Потехин, Ю. В. Громыко и др.). Они считают, что традиционное понимание войны устарело и не отвечает среде безопасности в XXI веке.

Например, Р. Смит в книге «Эффективность силы: искусство войны в современном мире» (2008) утверждает, что война перестала рассматриваться как столкновение двух государств, она является переплетением самых различных конфликтов, включая столкновения государства с террористическими сетями, инсургентами, иррегулярными формированиями. Он заявляет, что «мы участвуем в конфликте для достижения целей, которые не приводят к разрешению вопроса непосредственно силой оружия, так как на всех, за исключением самых основных, тактических уровнях, наши цели связаны с намерениями людей и их лидеров, а не с территориями и силами» [16, р. 308].

Фрэнк Г. Хоффман в статье «Гибридные угрозы: переосмысление изменяющегося характера современных конфликтов» предсказывает, что будущие конфликты будут мультимодальными и многовариантными, а противник будет представлять собой уникальную комбинацию угроз. Угрозы будущего он характеризует как гибридное сочетание традиционных и нерегулярных тактик, децентрализованное планирование и исполнение, участие негосударственных акторов с использованием простых и сложных технологий в инновационных направлениях. По мнению исследователя, гибридные угрозы включают в себя ряд различных режимов ведения войны, включая стандартное вооружение, нерегулярные тактики и формирования, террористические акты (в том числе насилие и принуждение) и криминальный беспорядок [12]. Аналогичные идеи изложены в одной из самых известных книг последних лет по военной стратегии и тактике – работе Д. Киллаллена «Спускаясь с гор: грядущая эпоха войны в городах» [14], а также в бестселлере Э. Симпсона «Война с нуля: сражения двадцать первого века, как политика» (2012) [15].

Анализ современных представлений зарубежных и отечественных исследователей о войне и вооруженных конфликтах позволяет сделать вывод, что в них об изменении сущности войны заявляют на основании того, что:

- она сегодня не выражается в явном противостоянии, а противники напрямую не сражаются друг с другом и не взаимодействуют (концепция бесконтактной войны);

- вооруженные силы в современных условиях считаются лишь одним из элементов системы обеспечения национальной безопасности, а достижение политических и других целей государства на международной арене может быть достигнуто только при комплексном, синергетическом применении всех составляющих национальной мощи, то есть политических, дипломатических, экономических, информационно-психологических и собственно военных мер;

- основные ее участники (правительство – армия – народ) в современных условиях, как правило, отделены друг от друга и имеют разные права и обязанности. На основании этого М. ван Кревельд в противовес идее тринитарной войны К. Клаузевица вводит понятие «нетринитарная война» – война, не скованная правилами [8];

- нет более монопольного права на насилие у государства. Право применения насилия явочным порядком взяли на себя негосударственные организации и группировки [5]. Происходит приватизация войны. Она развивается не только благодаря тому, что на многих театрах боевых действий воюющими сторонами являются гражданские лица, взявшие за оружие, или из-за того, что некоторые преступные организации сегодня используют частные армии, например, наркоторговцы. Другой важный факт состоит в возрождении частных армий наемников [1, с. 52]. Снижается порог политической значимости конфликтов с уровня государства до уровня организаций, групп и даже частных лиц. Нелегитимное расширение субъектов военного насилия ведет к новому типу войн («партизанские» войны, терроризм, асимметричные войны);

- характер конфликта не может определяться природой его участников: государство сегодня может использовать тактику иррегулярной вооруженной борьбы, а террористические группы – передовые технологии и ОМУ;

- конфликты, считающиеся локальными, в сегодняшних условиях поглощают не меньше ресурсов, а, следовательно, являются не менее определяющими при военном планировании, чем краткосрочные войны;

- происходит стирание границ между классическими категориями войны. Этот процесс достигает своей кульминации в размытии самих понятий войны и мира. «Холодная война» или «горячий мир»: война в ее разных формах становится постоянным состоянием. В то же время это стирание границы между исключением (каковым является война) и нормой (которой в нормальном случае является мир) [Там же, с. 54-55].

Ален де Бенуа, полагая, что К. Клаузевиц сузил сущность войны тем, что не включил в нее используемые в ней невоенные формы борьбы (дипломатическую, экономическую, социальную, научно-техническую, культурологическую, этническую и религиозную), делает вывод, что война становится «разрушением политики другими средствами» [Там же, с. 56].

Если на протяжении практически всей человеческой истории решение конечной цели войн – «заклучения мира» (Г. Гроций) [6] – осуществлялось фактически однообразно: через захват территориальных, людских, энергетических, сырьевых и иных ресурсов, то сегодня достижение конечной цели войны предполагается достичь путем полной аннигиляции политической власти, национальной идеи, государственности противника.

Особенностью войн и вооруженных конфликтов XXI века является качественное расширение возможного пространства конфликта. Если в традиционных войнах главным приоритетом оставалось физическое пространство (оборонный потенциал, вооруженные силы, экономический и демографический потенциалы противника), то с началом нового столетия формат противоборства сместился в сторону ментального (сознание политической элиты, массовое сознание народа, их психологическое состояние, средства массовой информации) и духовного (религиозное сознание народа, общественная мораль, межрелигиозные и внутрирелигиозные отношения, а также традиционная религиозная система) пространств. При этом роль непосредственного

использования военной силы постепенно вырождается в служебную, ориентированную, в первую очередь, на поддержку масштабных «несиловых» операций.

Если основной формой войны до начала XXI века была война на истощение, на физическое уничтожение противника – его населения, экономики, вооруженных сил, то сегодня значимой формой становится уничтожение «достаточного количества мозгов, или правильных мозгов». В этом случае, по мнению, например, американского военного эксперта Р. Шифрански «воля» обязательно умрет вместе с организмом [17]. Таким образом, мы можем констатировать, что сущность и содержание войны сегодня расширяется за счет, во-первых, более полного использования глобальных политических, социальных, экономических, культурологических, этнических и религиозных факторов, явлений; во-вторых, использования принципиально новых и более разнообразных видов оружия; в третьих, в связи с более полным включением в нее окружающей и природной среды.

Сегодня война часто приобретает новый, не явно выраженный характер, как это было в XX веке. В наши дни война ведется на гораздо более качественном уровне, затрагивающем помимо вооруженных сил и дипломатических каналов, информационную, социально-культурную, мировоззренческую, технологическую сферы, а также науку, психологию и внутренний мир человека – область духа и души.

Сложность, динамичность, аритмичность, запутанность и многоакторность современной войны позволяют заявить о появлении нового типа войн, которые могут быть названы *многомерными нелинейными войнами*. Ее можно представить, как согласованную по целям, задачам, месту и времени систему информационно-пропагандистских и психологических мер, проводимых с применением средств массовой информации, культуры, искусства и других (психотропных, психотронных) средств в течение длительного времени. Предметом поражения и уничтожения в такой войне становится сознание. Такую «новую» войну часто пытаются представить как «войну без потерь», как «безопасную» войну, бесконтактную вооруженную борьбу новейшими военными технологиями и высокоточным оружием шестого поколения, исключая поражение мирного населения. По расчетам разработчиков, цели этой войны достигаются морально-психологическим подавлением населения, созданием невыносимых условий жизни, разрушением всей социальной и бытовой инфраструктуры.

По их мнению, государство, побежденное в информационно-психологической войне, будет гораздо более выгодной добычей, чем страна, разрушенная в ходе «классических» боевых действий. Они считают, что победитель, сохранив ресурсы, армию и население такого государства, может впоследствии использовать их по своему усмотрению – например, в информационной или «классической» войне против своих геополитических противников.

Понимание того, что война является развивающейся реальностью привело к необходимости уточнения в конце 2014 года некоторых положений военной доктрины России. Уточнение текста военной доктрины РФ обусловлено новыми характерными чертами и особенностями современных военных конфликтов, в частности: комплексным применением военной силы, политических, экономических, информационных и иных мер невоенного характера, реализуемых с широким использованием протестного потенциала населения и сил специальных операций; массированным применением систем вооружения и военной техники, высокоточного, гиперзвукового оружия, средств радиоэлектронной борьбы, оружия на новых физических принципах, сопоставимого по эффективности с ядерным оружием, информационно-управляющих систем, а также беспилотных летательных и автономных морских аппаратов, управляемых роботизированных образцов вооружения и военной техники; воздействием на противника на всю глубину его территории одновременно в глобальном информационном пространстве, в воздушно-космическом пространстве, на суше и море; избирательностью и высокой степенью поражения объектов, быстротой маневра войсками (силами) и огнем, применением различных мобильных группировок войск (сил); сокращением временных параметров подготовки к ведению военных действий; усилением централизации и автоматизации управления войсками и оружием в результате перехода от строго вертикальной системы управления к глобальным сетевым автоматизированным системам управления войсками (силами) и оружием; созданием на территориях противоборствующих сторон постоянно действующей зоны военных действий; участием в военных действиях иррегулярных вооруженных формирований и частных военных компаний; применением не прямых и асимметричных способов действий; использованием финансируемых и управляемых извне политических сил, общественных движений [3, с. 3].

Перемещение военных действий в информационное пространство повлекло за собой появление в военной доктрине Российской Федерации 2014 года среди основных внешних военных опасностей пункта об использовании информационных и коммуникационных технологий в военно-политических целях для осуществления действий, противоречащих международному праву, направленных против суверенитета, политической независимости, территориальной целостности государств и представляющих угрозу международному миру, безопасности, глобальной и региональной стабильности.

В доктрине добавился также пункт о тенденции смещения военных опасностей и военных угроз во внутреннюю сферу. Среди основных внутренних военных опасностей называется деятельность, направленная на насильственное изменение конституционного строя Российской Федерации, дестабилизацию внутриполитической и социальной ситуации в стране, дезорганизацию функционирования органов государственной власти, важных государственных, военных объектов и информационной инфраструктуры Российской Федерации, а также по информационному воздействию на население, в первую очередь на молодых граждан страны, имеющая целью подрыв исторических, духовных и патриотических традиций в области защиты Отечества.

Характеризуя принятие новой военной доктрины на декабрьском 2014 года расширенном заседании коллегии Министерства обороны, Президент РФ В. Путин заявил следующее: «Наша военная доктрина не меняется, она носит исключительно оборонительный характер, однако свою безопасность мы будем отстаивать последовательно и жестко» [9].

Принципиальным в новом документе остается положение о том, что Россия прибегнет к использованию военной силы для отражения агрессии против нее и (или) ее союзников, поддержания (восстановления) мира по решению Совета Безопасности ООН, других структур коллективной безопасности, а также для обеспечения защиты своих граждан, находящихся за пределами Российской Федерации, в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права и международными договорами Российской Федерации не иначе как лишь после исчерпания возможностей применения мер ненасильственного характера. Не изменен также и порядок возможного использования ядерного оружия. Оно может быть применено в ответ на применение против России и (или) ее союзников ядерного и других видов оружия массового поражения, а также в случае агрессии против нее с применением обычного оружия, когда под угрозу поставлено само существование государства [3, с. 3].

Резюмируя вышесказанное, отметим, что война и в XXI веке остается актом насилия. Меняющийся характер структуры насилия неминуемо влечет за собой изменение сущности войны. Новые качественные характеристики войны привносятся глобальными политическими, социальными, экономическими, культурологическими, этническими и религиозными факторами и явлениями; использованием принципиально новых и разнообразных видов оружия; более полным включением в нее окружающей и природной среды. Изменяющаяся в XXI веке среда безопасности требует непрерывного осмысления. Понимание этого необходимо для формирования адекватной политики обеспечения военной безопасности России.

Список литературы

1. Бенуа А. де. Карл Шмитт сегодня / пер. с франц. М.: Ин-т общегуманитарных исследований, 2013. 192 с.
2. Бергер Дж. Сунь Цзы и Клаузевиц: кто более релевантен современной войне? [Электронный ресурс]. URL: <http://www.geopolitica.ru/article/sun-czy-i-klauzevic-cto-bolee-relevanten-sovremennoy-voyne> (дата обращения: 01.02.2015).
3. Военная доктрина Российской Федерации // Российская газета. 2014. 30 декабря.
4. Военная угроза и состояние российской армии [Электронный ресурс] // ВЦИОМ. Пресс-выпуск № 2529. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=114729> (дата обращения: 01.02.2015).
5. Гаджиев К. С. Размышления о тотализации войны: политико-философский аспект // Вопросы философии. 2007. № 8. С. 3-22.
6. Гроций Г. О праве войны и мира: репринт с издания 1956 г. М.: Ладомир, 1994. 868 с.
7. История войн и военных конфликтов [Электронный ресурс]. URL: <http://www.warconflict.ru> (дата обращения: 02.02.2015).
8. Кревельд М. ван. Трансформация войны. М.: ИРИСЭН, 2005. 344 с.
9. Расширенное заседание коллегии Министерства обороны 19 декабря 2014 года [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/news/47257> (дата обращения: 03.02.2015).
10. Россия и Запад: друзья? враги? [Электронный ресурс] // ВЦИОМ. Пресс выпуск. № 2761. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=115130> (дата обращения: 01.02.2015).
11. Сунь-Цзы. Искусство войны. М.: Эксмо, 2011. 480 с.
12. Хоффман Ф. Г. Гибридные угрозы: переосмысление изменяющегося характера современных конфликтов [Электронный ресурс]. URL: <http://geopolitica.ru/magazine/vypusk-xxi-2013-voyna> (дата обращения: 04.02.2015).
13. Чего боится Россия? [Электронный ресурс] // ВЦИОМ. Пресс-выпуск № 2762. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=115132> (дата обращения: 01.02.2015).
14. Kilcullen D. Out of the Mountains: The Coming Age of the Urban Guerrilla. USA: Oxford University Press, 2013. 352 p.
15. Simpson E. War from Ground Up: Twenty-First Century Combat as Politics (Crisis in the World Politics). USA: Oxford University Press, 2012. 285 p.
16. Smith R. The Utility of Force: The Art of War in the Modern World. N. Y.: Alfred A. Knopf, 2007. 448 p.
17. Szafranski R. Neocortical Warfare? The Acme of Skill // Military Review. 1994. November. P. 41-45.

WAR IN THE XXI CENTURY AND NEW SEMANTICS OF THE RUSSIAN MILITARY DOCTRINE

Radikov Ivan Vladimirovich, Doctor in Political Science, Professor
Saint Petersburg State University
ivirrad@gmail.com

The author believes that the understanding of the essence of war influences cardinally military organization, he emphasizes the necessity to comprehend what changes and what remains the same in the wars of the XXI century. Relying on the modern conceptions of the foreign and Russian researchers on war and military conflicts the author concludes on the changing essence of war. The paper claims that Russia also has to take into account typical for the world politics tension in various spheres of intergovernmental and interregional interaction, contest of values and developmental models, tendencies for the military solution of existing conflicts. Taking into account all the mentioned facts and the changing external and internal characteristics of war, the Russian state modifies its military policy.

Key words and phrases: violence; war; essence of war; military doctrine; military policy; risks and dangers.